

ПОЭТИКА ЦИКЛИЗАЦИИ

О.Ю. Казмирчук

СТИХОТВОРЕНИЕ Б.Л. ПАСТЕРНАКА «ЛЕТНИЙ ДЕНЬ» В КОНТЕКСТЕ «ПЕРЕДЕЛКИНСКОГО» ЦИКЛА

Стихотворение Б.Л. Пастернака «Летний день» является первым в цикле «Переделкино». Однако, несмотря на столь знаковое положение в композиции цикла (очевидно, что в цикле, как и в любой другой художественной целостности, семантически выделены позиции «начала», «середины» и «конца»)¹, оно не привлекало особого внимания исследователей². В данной статье предпринимается попытка проанализировать художественную структуру первого «переделкинского» стихотворения и охарактеризовать роль этого текста в пастернаковском цикле.

Примечательно, что первые строки стихотворения «Летний день» семантически противоречат его названию, поскольку в них вводится мотив весны: «У нас весною до зари / Костры на огороде...» (С. 354)³. Далее в тексте обыгрывается уже мотив огня (костра), костер обретает сакральную семантику, отождествляется с языческим алтарем; так обыденная реальность соприкасается с вечным, сакральным началом. Указание на время года, заданное в первой строке «Летнего дня», в дальнейшем уже не используется, центральным мотивом становится солнечный зной, что в свою очередь семантически связано с мотивом костра и с заявленным в названии мотивом лета.

В стихотворении Б.Л. Пастернака солнечный зной меняет облик мира («...И вся земля раскалена, / Как жаркая лежанка»), и здесь поэт опять

сближает разнородные начала: если в 1-й строфе дачные костры (нечто привычное, обыденное) отождествлялись с алтарями (сакральное начало), то теперь объединяются, уравниваются огромное и малое, земля сравнивается с лежанкой.

В 3-ей строфе «Летнего дня» впервые появляется лирический герой, который также находится под властью солнца: «Я за работой земляной / С себя рубашку скину, / И в спину мне ударит зной / И обожжет, как глину». Солнце изменяет лирического героя, этот процесс сравнивается с обжигом глины, благодаря чему герой уподобляется первому человеку, Адаму (Бог создал первого человека из глины, а используемый Пастернаком мотив «земляной» работы также ассоциируется с судьбой первого человека).

Итак, изменения, происходящие с лирическим героем, уподобляются акту творения первого человека, т.е. обыденная ситуация, «земляная» работа под палящим солнцем, трансформируется в космогонический акт; подобный принцип осмысления реальности был заявлен уже в самом начале стихотворения.

Процесс сотворения лирического героя продолжит ночь (вспомним, что и первый человек создавался в течение суток): «А ночь войдет в мой мезонин / И, высунувшись в сени, / Меня наполнит, как кувшин, / Водю и сиренью» (здесь возникает новое пространство, действие переносится в дом).

Акт сотворения лирического героя осмысляется как непрерывное действие, и если сначала загар сравнивался с обжигом глины, то потом герой уподобляется кувшину, благодаря этому уподоблению он обретает возможность вобрать в себя внешний мир, мир природы.

Создав, точнее, преобразив героя (ведь в пастернаковском стихотворении объединяются два процесса, преобразование и сотворение), ночь передает его земной женщине: «Она отмоет верхний слой / С похолодевших стенок / И даст какой-нибудь одной / Из здешних уроженок». Примеча-

тельно, что именно здесь, единственный раз в цикле «Переделкино», рядом с героем появляется женщина-героиня, во всех других текстах в качестве героини выступает сама природа. Ср. образ березы в «Зазимках», образ новогодней елки в стихотворениях «Вальс с чертовщиной» и «Вальс со слезой», образ Снегурки-весны в стихотворении «Опять весна»⁴ и т.д.

Так в стихотворении «Летний день» герой, подчиняясь влиянию летнего зноя и ночи, постепенно меняется, уподобляясь глиняному кувшину, вместившему в себя красоту природного мира. Но если первоначально герой именно сравнивался с глиной, с глиняным сосудом, то в финале такой прием, как сравнение, уже не используется, стихотворение заканчивается образом распустившегося побега (побег стал последним звеном в цепочке метаморфоз, происходивших с героем, возможно, побег – метафора единения героя и героини).

Как бы то ни было, в финале пастернаковского стихотворения «преображенный», «обновленный» лирический герой сливается с природным миром, становится его частью, продолжая стремиться к вечному, вселенскому началу: «И распустившийся побег / Потянется к свободе, / Устраиваясь на ночлег / На крашенном комод». Примечательно, что в последней строфе рифмуются и тем самым снова сближаются семантически противопоставленные начала: «огромное», «вечное» (свобода, к которой стремится побег) и «обыденное», «повседневное», «малое» (крашенный комод).

Итак, в стихотворении «Летний день» описывается преобразование героя, изображается момент сотворения человека, являющегося частью мира природы, живущего по законам природы, и это глобальное космогоническое действие совершается в рамках привычного, обыденного пространства (огород, дачный дом с мезонином, крашенный комод).

Однако, как уже отмечалось в начале статьи, «Летний день» – это первое стихотворение цикла, оно взаимодействует со всеми последующими «переделкинскими» текстами, обретая в этом взаимодействии новые

смыслы⁵. Таким образом, если в первом стихотворении цикла фиксируется момент сотворения героя, ощущавшего себя частью природы, то в дальнейшем этот «преображенный» герой обретает целый ряд новых качеств, заимствованных у природного мира.

Так, например, лирический герой стихотворения «Сосны» (второе стихотворение цикла «Переделкино») может силой своего воображения создавать новые пространства: «И столько широты во взоре, / И так покорно все извне, / Что где-то за стволами море / Мерещится все время мне» (С. 355). Отметим, что категория пространства играла существенную роль и в стихотворении «Летний день» (огромное уподоблялось малому, описываемое действие легко переносилось с улицы в дом и т.п.).

Принципиальная «преодолимость», «открытость» границы, отделяющей внешний мир от пространства дома (пространства, принадлежащего лирическому герою), является характерной чертой всех «переделкинских» стихотворений. Поэтому столь часто здесь используется мотив окна и двери, ср.: «А ночь войдет в мой мезонин / И, высунувшись в сени...» («Летний день»); «Я вижу из передней / В окно, как всякий год...» («Ложная тревога»); «Открыли дверь, и в кухню паром / Вкатился воздух со двора...» («Зазимки»); «...В верхнюю комнату форточку настезь...» («Вальс с чертовщиной») и т.д.⁶

Сливаясь с миром природы, лирический герой стихотворения «Сосны» обретает еще одну удивительную особенность, он приобщается к бессмертию: «И вот, бессмертные на время, / Мы к лику сосен причтены...». Примечательно, что в стихотворении «Сосны», как и в «Летнем дне», объединяются языческие и христианские мотивы; ср. парадоксальное словосочетание «причтены к лику сосен» и упоминание языческих алтарей, а также отсылки к сюжету о сотворении человека в «Летнем дне».

От мира природы лирический герой стихотворения «Сосны» получает «временное» бессмертие; столь же «временной», «преходящей» стано-

вится для такого героя и категория смерти, об этом стихотворение «Ложная тревога»: «Я вижу из передней / В окно, как всякий год, / Своей поры последней / Отсроченный приход. / Пути себе расчистив, / На жизнь мою с холма / Сквозь желтый ужас листьев / Уставилась зима» (С. 357). Здесь предчувствие собственной смерти, мучающее героя, изначально объявлено «ложной» тревогой. Герой, являющейся частью природного мира, а именно таким становится герой Б.Л. Пастернака в финале «Летнего дня», первого «переделкинского» стихотворения, живет в соответствии с годовым природным кругом, воспринимая приближение зимы как приближение смерти и зная, что после зимы наступит весна (преодоление смерти, воскресение). Мысль о том, что в природном круговороте смерть обязательно преодолевается, точнее всего сформулирована в стихотворении «Иней»: «Пусть ветер, рябину заняньчив, / Пугает ее перед сном. / Порядок творенья обманчив, / Как сказка с хорошим концом» (С. 358).

А в заключительном стихотворении «Дрозды» пастернаковский лирический герой пытается научиться у природы тому действию, которое называется творчеством: «Таков притон дроздов тенистый. / Они в неубранном бору / Живут, как жить должны артисты, / Я тоже с них пример беру» (С.365). По мнению героя, человек-художник должен подражать природе, воплотившей в себе истинное творческое начало (проявлением этого «природного» творчества становятся поющие птицы, цветущие фиалки, тающий снег и т.п.).

Итак, в основу пастернаковского цикла «Переделкино» ложится сюжет о становлении (преображении) героя. В первом стихотворении «Летний день» описывается момент создания человека, являвшегося частью мира природы (этот процесс уподобляется акту создания первого человека, Адама). Далее «преображенный» герой, живущий по законам «природного» мира (в котором смерть всегда сменяется воскресением, поскольку за зимою всегда следует весна), обретает доступное природе бессмертие, а в

финале цикла – и творческие способности, обретение этих способностей также становится следствием подражания лирического героя «творящей» природе (поющим дроздам).

Таким образом, в стихотворении «Летний день» (первом «переделкинском» стихотворении) задается основной тематический вектор цикла: существование человека, живущего в соответствии с законами природы, а потому осознающего свою связь с вечным, вселенским началом. Роль стихотворения «Летний день» в общей структуре цикла «Переделкино» примечательна еще и тем, что большинство тем и мотивов, использованных Пастернаком в первом стихотворении цикла, так или иначе, обыгрываются в других стихотворениях: ср. «открытость» пространственных и временных границ, постоянную соотнесенность «предметных», «бытовых» деталей с космическим началом и т.д.

В контексте размышлений о цикле как едином художественном целом новые оттенки получает отмеченное ранее смысловое несоответствие, присутствующее в образной структуре «Летнего дня»: парадоксальное объединение, смешение весны и лета.

Попробуем вернуться к рассмотрению семантических коннотаций мотивов весны и лета в интересующем нас тексте. Преображение лирического героя совершается под воздействием солнца (герой загорает, работая на огороде), мотивы жары и солнца, естественно, семантически связаны с вынесенным в заглавие мотивом лета, однако сама идея зарождения новой жизни традиционно отождествляется с весной. Кроме того, создавая поэтический цикл, Борис Пастернак стремится замкнуть круг, соединить начало и конец: цикл начинается «весенними» строчками («У нас весной до зари / Костры на огороде...») и заканчивается стихотворениями «Опять весна» и «Дрозды». При этом в стихотворении «Опять весна» мотив весны интерпретируется как нечто неповторимое и повторяющееся одновременно: «Это поистине новое чудо, / Это, как прежде, снова весна...» (С. 364).

Таким образом, пастернаковский цикл «Переделкино» движется от весны к весне⁷: от стихотворения «Летний день» с его парадоксальным началом («У нас весною до зари / Костры на огороде...») к стихотворениям «Опять весна» и «Дрозды». Примечательно, что тот же принцип будет использоваться Б.Л. Пастернаком в «Стихотворениях Юрия Живаго», правда, там идея природного круговорота объединяется с идеей литургического круга, «живаговский» цикл движется не только от весны к весне, но и от Пасхи к Пасхе⁸.

Нетрудно заметить, что объединение христианского и языческого начала имплицитно присутствовало и в «переделкинском» цикле, ср. хотя бы образную структуру стихотворения «Летний день» и интерпретацию темы бессмертия в стихотворении «Сосны». Однако в «переделкинской» «модели мира» преобладает языческое, природное начало, именно благодаря умению соотносить свою жизнь с жизнью природы герой Пастернака обретает гармонию (преодолевает страх смерти и становится художником, творцом).

Примечательно, что весь спектр «переделкинских» тем и мотивов заявлен Пастернаком уже в «Летнем дне», первом стихотворении цикла, в последующих текстах авторская концепция не претерпевает значительных изменений, а лишь уточняется, конкретизируется. В основу художественной структуры цикла «Переделкино» ложится идея объединения, слияния двух миров, мира человека и мира природы, что наиболее полно воплотилось в поэтике стихотворения «Летний день».

---

¹ Подробнее о принципах построения стихотворного цикла см., например: *Дарвин М.Н.* Русский лирический цикл: проблемы истории и теории. Красноярск, 1988; *Фоменко И.В.* Лирический цикл. Становление жанра. Поэтика. Тверь, 1992; *Тюпа В.И.* Градация текстовых ансамблей // Европейский лирический цикл: Материалы международной научной конференции, 15–17 ноября 2001 г. М., 2003. С. 50–63

² Из стихотворений, входящих в цикл «Переделкино», наиболее часто исследовались следующие: «Иней», «Вальс со слезой», «Вальс с чертовщиной». См., например: *Фа-*

рыно Е. Поэтика Пастернака («Путевые записки» – «Охранная грамота»). Wien, 1989. С. 200, 256, 287, 291 и т.д.; *Баевский В.С.* Борис Пастернак – лирик. Основы поэтической системы. Смоленск, 1993. С. 98–100. Стихотворение «Летний день» анализируется лишь в работе Анны Маймескулов, см.: *Маймескулов А.* «Переделкино» Бориса Пастернака (разбор цикла). *Budgoszcz*, 1994. С. 13–15

³ Стихотворения Б.Л. Пастернака цитируются по изданию: *Пастернак Б.Л.* Избранное: В 2 т. Т. 1.

⁴ См. *Фарыно Е.* Указ. соч. С. 306–309.

⁵ Этот механизм подробно описан И.В. Фоменко, см., например: *Фоменко И.В.* Циклизация как типологическая черта лирики Б.Л. Пастернака // Пастернаковские чтения: Материалы межвузовской конференции 23–25 ноября 1990 г. Пермь, 1990. С. 79

⁶ О роли мотива окна в лирике Б.Л. Пастернака см. подробнее: *Жолковский А.К.* Место окна в поэтическом мире Пастернака // *Russian Literature*. 1978. VI–1. С. 46–68.

⁷ О композиции цикла «Переделкино» см. подробнее: *Маймескулов А.* Указ. соч. С. 82–89.

⁸ Об этом подробнее см., например: *Бак Д.П.* «Доктор Живаго» Б. Пастернака: функционирование лирического цикла в романном целом // Роман и повесть в классической и современной литературе. Махачкала, 1992. С. 93–103; *Есаулов И.А.* Литургическая основа стихотворного цикла («Стихотворения Юрия Живаго» в контексте романного целого) // Европейский лирический цикл: Материалы международной научной конференции, 15–17 ноября 2001 г. М., 2003. С.238–240.